Уткина дача

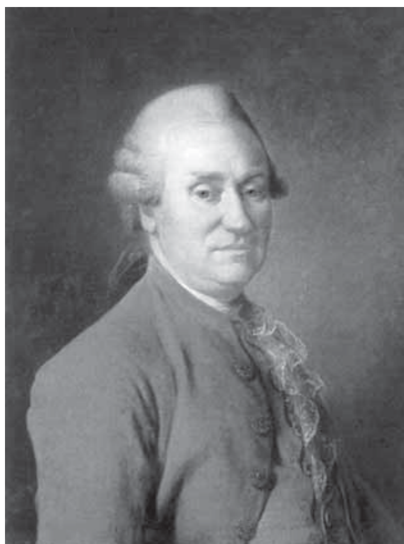
Н. П. Столбова

«Уткина дача» (дача Полторацкой) находится в левобережье Охты, в устье ее левого притока Оккервиль, неподалеку от станции метро «Ладожская». Удивительно гармоничным кажется усадебный дом, расположенный при слиянии рек и будто повторяющий форму излучины. Автор проекта дачи достоверно не установлен. Полагают, что им мог быть Н. А. Львов, причастность которого к проекту «Уткиной дачи» определяется как творческим почерком архитектора, так и близостью к оленинскому кругу (А. Н. Оленин был женат на Е. М. Полторацкой – дочери хозяйки усадьбы). Можно предположить, что именно Львов, с его необыкновенным чувством гармонии, мог так расположить усадьбу, что и сейчас, несмотря на упадок и разруху, явна главная классическая идея – идея гармонии сооружения и природы. Не только «Уткина дача», но и другие классические охтинские постройки необыкновенно выразительны в своем единении с ландшафтом и окружающей природой, и в этом их связь с другими классическими памятниками окрестностей Петербурга, и одновременно – неповторимость.

Уткина дача. Дворовый флигель. *1839 г. Фото С. Столбова. 2000 г.*

В допетровское время участок, на котором находится сейчас «Уткина дача», принадлежал шведскому полковнику Оккервилю. В первые годы после основания Петербурга, согласно Описным книгам 1712 года, – стольнику Петра I С. Нелединскому-Мелецкому. В 1730-е годы, «по словесному показанию служителей Охтинского порохового завода», – генерал-аншефу, начальнику Тайной канцелярии графу А. И. Ушакову. При Ушакове здесь появилась полотняная фабрика, позднее приобретенная известным петербургским купцом Чиркиным. С середины XVIII века владельцем участка стал М. Ф. Полторацкий. Полторацкие не сразу приступили к освоению участка. Каменный дом, оранжереи, теплицы, винокуренный и костеобжигательный заводы строились стараниями А. А. Полторацкой, супруги Марка Федоровича, только в 1790-е годы.

Портрет М. Ф. Полторацкого.
Худ. Д. Г. Левицкий. 1780 г.

Агафоклея Александровна Полторацкая родилась в 1737 году в Новоторжском уезде Тверской губернии в семье небогатых помещиков. Ее внучка Анна Петровна Керн, вспоминая свои детские годы, так писала о бабушке: «Это была замечательная женщина. Она происходила из фамилии Шишковых. Вышла замуж очень рано, когда еще играла в куклы, за Марка Федоровича Полторацкого. Ее выдали замуж, разумеется, без любви, по соображениям родителей... Про мужа ее, Марка Федоровича Полторацкого, мало было слышно, знаю..., что упомянутый Марк Федорович учился в Киевской бурсе, пел там на клиросе в церкви. Был взят оттуда Разумовским, восхитившимся его голосом в придворную капеллу, сделался придворным Императрицы Елизаветы Петровны...»[1], а позже и директором Певческой капеллы; первым из российских певцов выступил «солистом в итальянской опере Франческо Арайя «Беллерафонт... Участие же его в оперных постановках принесло Полторацкому не только щедрое денежное вознаграждение, но и 1200 десятин земли под Петербургом – ему была пожалована мыза Оккервиль[2]. В середине 1750-х годов Полторацкие построили дома в Москве, Твери, Торжке и в Петербурге на Фонтанке – это и понятно, принимая во внимание их большое семейство. «Она имела с ним 22 человека детей. Все дети ее были хорошо воспитаны, очень

приветливы, обходительны... Она была красавица и, хотя не умела ни читать, ни писать, но была так умна и распорядительна, что, владея 4000 душ, многими заводами, фабриками и откупами, вела все хозяйственные дела сама, без управляющего, через старост[3]. Действительно, Агафоклея Александровна была хороша собой, и о наружности ее мы можем судить по портрету Д. Г. Левицкого, написанному в начале 1780-х годов.

Имение Полторацких за Охтой было обширным и состояло в начале XIX века из мыз Оккервиль и Косая Гора. Мыза Оккервиль (такое название вплоть до XX века носила вся усадьба) представляла собой крепкое хозяйство с каменным господским домом, полуциркульным дворовым флигелем, с ледниками, подвалами, конюшнями, сараями и сеновалами. На усадьбе были виноградная и цветочная оранжереи, теплица и парники, большой фруктовый сад, обнесенный каменной оградой, с яблоневыми и вишневыми деревьями.

На Косой горе находился дом управляющего, каменный флигель для дворовых людей, разные хозяйственные постройки: винный завод, мельница-мукомольня для перловых круп, рига с молотильными машинами и веяльницами (предпочитали машины, а не ручной, менее производительный, труд). Вокруг располагались господские покосы и сараи для хранения сена. Там же был хлебный амбар, кладовые, мастерские и кузница. Господские пашни простирались в сторону Колтушей между реками Оккервиль и Малиновка. При деревне Малиновка располагался завод для жжения костей. Реки Охта и Оккервиль были в то время судоходными.

Агафоклея Александровна Полторацкая (1737–1822). *Худ. Д. Г. Левицкий. 1781 г.*

Ввиду того, что А. А. Полторацкая постоянно жила в Грузине, мызой Оккервиль управляла ее дочь – А. М. Сухарева, владелица участка, расположенного на месте сегодняшних «Русских самоцветов» выше по течению Охты. Сухарева вела широкую благотворительную деятельность, была председателем Женского патриотического общества, попечительницей школ, возглавляла женское попечительское общество о тюрьмах. Анна Оленина в своем дневнике описывает сад, дом, свои ощущения в летний день 1828 года, когда вместе с родителями и братом Алексеем гостила у тетушки Агафоклеи Марковны Сухаревой незадолго до продажи имения[4].

Уткина дача. Ротонда. 1790-е годы. *Фото Н. Столбовой. 2008 г.*

А. А. Полторацкая умерла в октябре 1822 года, на 27 лет пережив мужа (М. Ф. Полторацкий скончался в 1795 году). Незадолго до смерти она составила духовное завещание, которое было утверждено решением Правительствующего сената 8 мая 1828 года. Попечителем по завещанию был определен генерал – губернатор Петербурга П. В. Голенищев-Кутузов, а душеприказчиком – Алексей Полторацкий. Исполнители завещания, согласно воле усопшей, подали второе после 1814 года, когда уже была сделана попытка продажи усадьбы, объявление в Санкт-Петербургские ведомости, выставив на торги имущество А. А. Полторацкой – ее городской дом на Фонтанке и мызу Оккервиль[5].

21 декабря 1828 года было заключено условие «...с гвардии штабс-капитаншею княгиней З. П. Шаховской в том, что ...запродали ей мызу Оккервиль с деревнями ...и со всеми принадлежащими оной мызе землями и разным господским и крестьянским строением... продали ценою за пятьсот семьдесят пять тысяч рублей... и получили продавцы Голенищев-Кутузов и Полторацкий.... При таковом вступлении моем княгини Шаховской должно быть со стороны продавцов объявлено как крестьянам, так и находящимся в доме о правах моих... У сего условия Тайный советник и кавалер Алексей Николаевич, сын Оленина свидетелем был и руку приложил[6]. (А. Н. Оленин – муж Е. М. Полторацкой).

О следующей владелице дачи – Зиновии Петровне Шаховской знаем мы очень немного. В девичестве она Зеленкова, купеческая наследница, владела каменным домом на Малоохтинском проспекте в Рождественской части (напротив Малой Охты). На Литейном проспекте в Петербурге был дом купца Зеленкова, в каком родстве она с ним состояла, когда

вышла замуж за князя А. Я. Шаховского, неизвестно. В «Петербургском Некрополе» Саитова читаем: «Уткина Зиновия Петровна ум. на 38 году, Сергиева пустынь», дат никаких нет, и столь ранняя смерть вызывает сомнение (скорее на 58 году, а то и позднее). Об А. Я. Шаховском тоже сведений немного. Известно, что родился он в 1797 году, был из псковской ветви Шаховских, имел брата Константина. В 1826 году был переведен из гренадерского графа Аракчеева полка штабс-капитаном на должность адъютанта графа Аракчеева. В адрес-календаре за 1828 год находим числящегося уже в Семеновском полку штабс-капитана князя А. Я. Шаховского, адъютанта при военном поселении. В 1830 году он – капитан, в 1832 году, «состоящий при Временном Департаменте Военных Поселений, лейб – гвардии Семеновского полка Капитан Князь Шаховской, произведен в полковники с оставлением при прежней должности[7]. В месяцеслове за 1834 год по департаменту военных поселений видим состоящего при департаменте лейб-гвардии Семеновского полка полковника князя А. Я. Шаховского, награжденного орденами Св. Владимира 4 степени и Св. Анны второй степени. Полковник Шаховской в 1834 году состоял при Главном штабе военных поселений, а в 1835 году был переведен в Навагинский пехотный полк[8]. Причина перевода – будто бы взрыв, о котором даже писали в газетах, устроенный Шаховским на Охте, в имении супруги, отношения с которой не были гладкими. Навагинский полк дислоцировался на Кавказе, участвовал в Кавказских войнах, имел знак отличия «За покорение Чечни в 1857, 1858, 1859 годах». В отставку Шаховской ушел в 1848 году с Кавказа, где его следы теряются, умер в 1864 году. Как жила все те годы княгиня Шаховская, когда произошел ее развод с князем, когда снова вышла замуж – неизвестно, но в начале 1860-х годов она была женой В. И. Уткина. Сегодня усадьбу называют по имени последней владелицы «Уткиной дачей».

После крестьянской реформы 1861 года земли, которыми крестьяне пользовались до обнародования Манифеста об освобождении крестьян, государство выкупало у помещиков в общественную крестьянскую собственность. Из крестьян мызы Оккервиль было составлено Оккервильское сельское общество Полюстровской волости. Уставная грамота крестьянам мызы Оккервиль с деревнями Большая и Малая Яблоневка, Новая, Сергиевка была выдана «по доверенности владелицы Статской советницы Зиновии Петровны Уткиной» мужем ее Статским советником Василием Ивановичем Уткиным. Уставная грамота являлась документом, по которому крестьяне, после выплаты государством указанной суммы хозяевам, становились собственниками земли. Земля выделялась «душам мужского пола», которые значились в деревнях по последней народной переписи. Таких лиц было: дворовых – 52, имеющих право на надел... было 92. К сей Уставной грамоте по доверенности жены моей Статский советник Василий Иванов сын Уткин руку приложил[9].

Портрет З. П. Шаховской.
Неизвестный художник. 1831 г.

З. П. Уткина умерла в 1868 или в 1869 году, завещав свое имение Императорскому Человеколюбивому обществу. Согласно духовному завещанию, дача должна была поступить в его ведение только после смерти супруга Зиновии Петровны В. И. Уткина – мирового судьи I участка Санкт-Петербургского уезда. Адрес-календари сообщают нам некоторые сведения об этом человеке. Ранее 1860 года В. И. Уткин среди должностных лиц Российской империи не значится. В Адрес-календаре за 1860–1861 годы В. И. Уткин значится по Министерству государственных имуществ в должности вице-президента Вольного Экономического общества в ранге статского советника (избран в 1859 году и в этой должности состоял до 1865 года). В 1866–1872 годы – в ранге действительного статского советника Общества попечительного о тюрьмах. С 1873 года В. И Уткин в адрес-календарях не значится, очевидно, что умер он не ранее 1872 года[10]. Ни в одном из браков детей Зиновия Петровна не имела.

Об обстоятельствах выполнения последней воли З. П. Уткиной о передаче имения Императорскому Человеколюбивому обществу известно из письма Предводителя дворянства Санкт-Петербургского уезда М. А. Безобразова, которому в силу разных причин пришлось исполнять завещание Уткиной, к министру юстиции К. И. Палену. «...По смерти последнего владельца (В. И. Уткина. – *Авт.*) душеприказчики ...отказались принять на себя исполнение завещания... 15 марта 1872 года на новых выборах дворянство Санкт-Петербургского уезда просило Предводителя «ввиду благотворительной цели завещательницы, не отказываться от принятия обязанностей душеприказчика. Долго колебавшись, я 17 октября 1872 года принял, наконец, имение Уткиной в свое заведование». Приняв на себя обязанности душеприказчика, М. А. Безобразов оказался стоящим перед рядом проблем. К устройству благотворительных заведений возможно было приступить только после выполнения завещания в других частях, то есть «...после многочисленных выдач разным лицам, назначенным по завещанию... По смерти завещательницы капиталов никаких не найдено, а по смерти пожизненного безотчетного распорядителя З.Уткиной все, что могло бы оказаться, захвачено законными его наследниками, так что на исполнение завещания не представлялось никаких средств[11].

10 ноября 1872 года канцелярия губернатора уведомила М. А. Безобразова о намерении Министерства юстиции и Министерства Внутренних дел устроить на мызе Оккервиль Земледельческую колонию для несовершеннолетних преступников. Это предложение не было согласно с волей З. П. Уткиной, которая на полученный от имения доход завещала Императорскому Человеколюбивому обществу

«учредить Приют для воспитания сирот самобеднейших обоего пола, с ясными доказательствами их бедности... отделения сделать мужского пола и женского совершенно особо; при оном Приюте сделать отделение для увечных и неизлечимо больных на такое число лиц, какое может содержаться из доходов с имения Оккервильского, в чистоте здоровой и нескудной пище, одежде, хорошем присмотре и постоянном посещении медика...»[12].

Вскоре Императорское Человеколюбивое общество начало судебный процесс, доказывая, что М. А. Безобразов самовольно захватил права душеприказчика. Дело было принято к производству Окружным судом, и обе стороны рассчитывали на мировое соглашение. Общество настаивало на скорейшей передаче завещанного ему имущества, а М. А. Безобразов был обеспокоен тем, «чтобы Человеколюбивое общество не выходило из границ прав по завещанию ему представленных».

В то же время петербургский градоначальник генерал-адъютант Ф. Ф. Трепов предложил передать Оккервильские здания во временное пользование городской Санитарной комиссии «для устройства хронических больных». Санитарная комиссия принимала на себя весь ремонт зданий и возведение новых построек. С Высочайшего соизволения в 1873 году на мызе Оккервиль была открыта Охтинская Мариинская богадельня для неизлечимо больных и увечных, на открытии которой присутствовал Александр II.

7 июля 1874 года, по Высочайше утвержденному Положению Комитета министров, мыза Оккервиль с землею в количестве 1556 десятин была передана согласно воле З. П. Уткиной в распоряжение Императорского Человеколюбивого общества. Фактическая же передача имения вместе с призреваемыми из Охтинской Мариинской богадельни произошла только в 1881 году. Обществу передавались также воспитанники учрежденного здесь в 1873 году детского приюта. Новое благотворительное заведение стало называться «Уткинским приютом для детей с отделением для увечных и неизлечимо больных», в котором «...положено иметь 10 мальчиков и

А. А. Оленина.
С рис. О. А. Кипренского. 1828 г.

10 девочек с устройством для них отдельных отделений.... принимать в приют детей в положенном возрасте от 6 до 9 лет и воспитывать до 12-летнего возраста по программе двухклассных городских училищ, с обучением девочек и рукоделию...[13]

В 1882 году Мариинская охтинская богадельня была ликвидирована, а здания мызы Оккервиль заняты Санкт-Петербургской охтинской больницей, находившейся в ведении Городского общественного управления. Детский же приют был размещен в оставшихся деревянных зданиях. Он занимал теперь территорию за полуциркульным дворовым флигелем вдоль Уткинского проезда, ведущего в сторону мызы Косая Гора, имел свой сад, окруженный забором с воротами. Призреваемые в отделении неизлечимых и увечных были перемещены в другие богадельни Человеколюбивого общества, до освобождения зданий мызы больницей, «и не получится таким образом возможности содержать в них согласно духовному завещанию З. П. Уткиной отделения неизлечимо больных и увечных. Затем, в отношении собственно детского приюта, Совет Человеколюбивого общества приступил в настоящее время к постройке нового здания, рассчитанного на большее число вакансий[14].

В 1898 году, в связи с реорганизацией других приютов, детский приют на «Уткиной даче» стал называться Уткинским приютом с Ивановским отделением малолетних и приютом круглых сирот Вейсберга. Перед революцией его заведующим состоял А. Н Иванов, законоучителем – протоиерей Тихомиров, работали также учителя-воспитатели С. С. Иванова, М. Н. Рогозина, Д. И. Дмитриева-Мамонова, К. Н. Немцева. Надзирательницей отделения дошкольного возраста состояла С. С. Иванова, врачом – В. А. Игнатьев, фельдшером – М. А. Иванов[15].

Бывшее Уткинское имение было большим. Оно тянулось между реками Малиновка и Оккервиль в сторону Колтушей, к нему примыкал лесной массив с охотничьими угодьями. «Императорское человеколюбивое общество предоставляет г. Танееву право дозволения законной охоты в имении, бывшем Уткиной, находящимся за М. Охтой в Полюстровской волости Санкт-Петербургского уезда на всякого рода птиц и зверей...». Контракт был заключен 22 января 1902 года сроком на 3 года и платою по 400 рублей за каждый год вперед[16]. В 1913 году часть земель бывшей «Уткиной дачи» была сдана под огороды: 31 декабря 1912 года сроком на шесть лет был заключен контракт с крестьянином Рязанской губернии Филипповым[17].

1 января 1906 года Совет Императорского Человеколюбивого общества на основании постановления Городской думы от 5 апреля 1904 года сдал Городскому Общественному управлению в аренду часть мызы Оккервиль под размещение Малоохтинского отделения градских богаделен для душевнобольных. В аренду сдавались «...главный дом, стоящий в излучине Охты и Оккервиль с жилым подвалом и часовней, устроенной в верхнем этаже..., причем соблюдение за благолепием этой часовни, отправлению в ней богослужения, высыпки из кружек и заведывание церковным доходом остаются в ведении Общества и вверяются притчу церкви подведомственного Обществу Дома призрения престарелых женщин графа Кушелева-Безбородко...». Городскому Общественному управлению сдавался и дворовый флигель – «... полукружное каменное двухэтажное здание с тем, чтобы в той части оного, окна которой обращены к Уткинскому приюту, не были помещены беспокойные больные...». Сда-

вались и баня с прачечной, и другие хозяйственные постройки, а также сад, расположенный на берегу реки Охты « до рва с мостиком у трех берез, исключая огородного места, которое остается в пользованиии Человеколюбивого общества...». Все вышеупомянутые здания и сооружения сдавались Городскому Общественному управлению «...сроком на восемь лет с первого января 1906года до первого января 1914 года за плату десять тысяч руб. за каждый год...». Контракт был подписан директором канцелярии Совета Императорского Человеколюбивого общества Тайным статским советником И. И. Билибиным. 31 декабря 1913 года Санкт-Петербургская городская больничная комиссия и Совет Императорского Человеколюбивого общества продлили контракт под помещение Малоохтинского отделения Городских богаделен для душевнобольных до 1 мая 1917 года с оплатой 20000 рублей в год[18].

В послереволюционные годы здание принадлежало Комиссариату здравоохранения и в нем располагалось Малоохтинское отделение 2-й психиатрической больницы. 29 мая 1920 года усадьбу обследовал архитектор Постников, заключение которого дает нам представление о ее тогдашнем состоянии. «Роспись (по предположению ГИОП Д. Скотти. – *Авт.*) стен и плафонов круглого зала. Там же богатый лепной карниз и фриз с позолотою; роспись потолков в 2-х смежных с угловой ротондою кабинетах; роспись потолка в круглом павильоне служебного флигеля, там же лепной с позолотою карниз... При ремонте 1933 года забелена, а может быть, совсем уничтожена роспись потолков в последней из трех, уцелевших с екатерининских времен, комнат главного дома. Тогда же потолок в круглом павильоне служебного флигеля был «зашит» фанерой. Сохранилась ли при этом имевшаяся там живопись, неизвестно». В 1936 году часть здания была перепланирована под квартиры, другую часть занял 176 Детский очаг Володарского райжилсоюза. Внешне памятник не изменился, правда, в 1930-е годы к зданию был пристроен деревянный тамбур у входа в Детский очаг и подвал. Капитального ремонта в здании не проводилось, но в 1935 году был проведен ремонт кровли и водосточных труб и их окраска[19].

В настоящее время в помещениях усадебного дома размещаются квартиры, а служебный корпус после ликвидации производственных участков управления кинофикации, к сожалению совсем заброшен. Главное здание тоже находится в катастрофическом состоянии и требует капитального ремонта и реставрации.

Немало интересных людей связано с «Уткиной дачей». Супруги Полторацкие, их дети, их внучка Анна Оленина, сам А. Н. Оленин, Н. А. Львов. Связана дача и с благотворительной деятельностью З. П. Уткиной, потом – общественной и государственной. Какие традиции здесь должны возродиться – благотворительности, дворянского быта или иные, не так важно. Важно то, что сегодняшние поколения не должны предать забвению мызу Оккервиль – «Уткину дачу» – памятник русской архитектуры, истории и культуры XVIII–XIX веков.

Юрий Колкер.
Уткина дача. Ночь
В графском доме коммунальном
Тихим пеньем поминальным
Дверь печальная скрипит,
Светлый мрак в окне чердачном
Приведеньем новобрачным
Соблазнительно скользит.

А в конюшне сопредельной,
Где теперь гараж с котельной,
Там, уединенью рад,
Сладкой мыслью увлеченный,
У котла сидит ученый,
Сочиняя самиздат.

Он сидит, нетленку пишет,
Топка ровным жаром пышет.
Вся-то жизнь ему ясна
В эти чудные мгновенья,
Под ночные помавенья
Из чердачного окна[20].

---

1 Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1974. С. 112–113.
2 Антонова Н. М. «Агафоклея Полторацкая». Приютинский сборник. 1999.
3 Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1974. С. 113.
4 Оленина А. А. Дневник Annette. М., 1994. С. 76–78.
5 Санкт-Петербургские ведомости. 1828. № 90.
6 РГИА. Ф. 768. Оп. 1. Д. 83*.
7 Россия. Департамент военных поселений. Приказы начальника штаба поселенных войск. СПб с 1820. СПб.1820.
8 Дирин П. История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883.
9 ЦГИА СПб и Ленинградской области. Ф. 262. Оп. 3. Д. 225*.
10 Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по управлениям в Империи и по Главным управлениям в царстве Польском и в Великом кнчжестве Финляндском за 1859–1873.
11 РГИА. Ф. 648. Оп. 1. Д. 12.
12 Императорское Человеколюбивое Общество. Памятная книжка на 1908 год. СПб., 1908. С. 29.
13 Очерк деятельности Совета Императорского Человеколюбивого Общества за 100 лет 1816–1916. Пг., 1916. С. 81.
14 Императорское Человеколюбивое общество. Памятная книжка на 1908год. СПб,. 1908. С. 10.
15 Весь Петербург за 1913 год. Справочник. СПб., 1913.
16 РГИА. Ф. 768. Оп. 1. Д. 93.
17 РГИА. Ф. 768. Оп. 1. Д. 85.
18 РГИА. Ф. 768. Оп. 1. Д. 83.
19 Архив ГИОП. «Уткина дача».
20 Журнал «Звезда». 1995. № 9. С. 68.